
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

*ПОЛЯНИНА Алла Керимовна
доктор социологических наук,
доцент, Нижегородский госу-
дарственный университет им.
Н.И. Лобачевского, Самарский
государственный университет
путей сообщения,
Самара, Россия*

Alker@yandex.ru

*POLYANINA Alla Kerimovna
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor, Lobachevsky
University, Samara State University
of Railway Transport,
Samara, Russia*

Alker@yandex.ru

Эффекты цифрового поворота: вербовка детей террористами / The effects of the digital turn: terrorist recruitment of children

Аннотация

Проблема вовлечения детей в террористическую деятельность через информационно-коммуникативные технологии рассматривается как одно из последствий цифрового поворота в коммуникациях. Пути предотвращения вербовки террористами детей для осуществления террористических актов предлагается исследовать на основе авторского концепта - рискологического подхода и субъектной природы рискованного поведения. Проводится классификация факторов рискованного поведения с целью определения векторов управленческого воздействия для снижения, предотвращения и прогнозирования рисков вовлечения детей в террористическую деятельность с использованием виртуального пространства.

Ключевые слова

Цифровой поворот; терроризм; вовлечение детей в террористическую деятельность; мотив; факторы риска; коммуникация.

Abstract

The problem of involving children in terrorist activities through information and communication technologies is considered as one of the consequences of the digital turn in communications. It is proposed to explore ways to prevent the recruitment of children by terrorists to carry out terrorist acts on the basis of the author's conceptual riskological approach and the subjective nature of risky behavior. The classification of risk behavior factors is carried out in order to determine the vectors of managerial influence for reducing, preventing and predicting the risks of involving children in terrorist activities using virtual space.

Keywords

Digital transformation; terrorism; involvement of children in terrorist ac-

tivities; motive; risk factors; communication.

Цифровой «поворот» коснулся всех сторон социальной жизни, коренным образом изменил коммуникацию. Технологические возможности цифровых коммуникаций и средств передачи информации формируют новую реальность, расширяющуюся за границы физического мира, виртуализацию мира. Эта реальность предлагает новые цели и новый арсенал информационных войн. В привычном понимании информационная война есть противостояние между государствами или группами государств при использовании технологий, реализуемых в информационном пространстве. Её целями выступают информационные системы противника, важные процессы и ресурсы, подрыв социальных систем, принуждения государства к принятию решений, а средствами - латентное воздействие на индивидуальное, групповое и массовое сознание, пропаганда, дезинформация, манипулирование, смена ценностных ориентаций и базовых установок личности. Исследователи проводят различную типологию информационных войн, классифицируя их по целям, средствам, длительности, субъектам и т.п. Среди этих видов выделяется и так называемая психологическая война, как направленная исключительно на психологическое манипулирование массовым и индивидуальным сознанием.

Большой антропологический переход, обозначенный среди прочего «цифровым переворотом», как глобальный общепланетарный сдвиг в сторону техногенной и даже посттехногенной цивилизации, открывает невиданные возможности для разнообразных информационных воздействий, колоссально увеличивая арсенал информационной войны. В настоящее время технологически обеспечен информационный терроризм, в широком смысле понимаемый как идеологически обоснованное воздействие на население с использованием информации, информационных технологий и (или) информационных ресурсов и с целью устрашения населения и понуждения принятия решений органами власти. Это психоинтеллектуальная диверсия, направленная на множество разнообразных объектов и достижение различных целей. Среди этих целей значится вербовка лиц для осуществления реальных террористических актов. Особенно актуальной является проблема вербовки детей и подростков через различные платформы виртуальной коммуникации.

Опасность вербовки детей террористами можно рассмотреть с точки зрения предлагаемого нами рискологического подхода, согласно которому риск индуцируется поведением субъекта, то есть имеет субъективную природу и сосредоточен в поведенческом ракурсе. Риск как вероятность наступления негативных последствий имеет источником соответствующее поведение субъекта (рисковое поведение). Следовательно, факторами рискованного поведения, как и любого поведения, выступают в общем виде мотивы поведения и условия

реализации данных мотивов. Поскольку названные риски предполагают два вида возможных последствий (или целей), с одной стороны – сама вербовка детей, а с другой – совершение реального террористического акта, то и субъектов рискованного поведения можно разделить на две группы: вербовщики-террористы и дети, реализующие акт террора. Для каждой из этих групп субъектов факторами рискованного поведения, таким образом, становятся свойственные им мотивы и условия реализации этих мотивов. Это, во-первых, мотивы самих вербовщиков и условия их реализации и, во-вторых, мотивы детей (жертв вербовки) и условия реализации мотивов этих детей. Целесообразно так классифицировать факторы риска: мотивы террористов-вербовщиков; мотивы детей, жертв вербовки; условия реализации мотивов террористов-вербовщиков; условия реализации мотивов детей-жертв вербовки. При этом следует иметь и в виду, что мотивы детей, жертв вербовки, являются одновременно условиями реализации мотивов террористов-вербовщиков (далее это будет показано). Принимая во внимание процессный подход к коммуникации как последовательности этапов, рискованное поведение проявляется на одном из четырех таких этапов: 1) создании информационного сигнала (контента, сообщения), 2) распространение информации, 3) организация (администрирование) доступа к информации; 4) потребление информации. Логично предположить, что для выделенных групп субъектов риска, террористов-вербовщиков и детей-жертв вербовки, рискованное поведение будет явлено на разных этапах коммуникативной цепи. Рискованное поведение террористов-вербовщиков проявляется на первых двух этапах – создание и распространение информации, а рискованное поведение детей – на этапе доступа и потребления информации, а также вне информационного пространства при реальном осуществлении акта терроризма. Следовательно, управление, а именно минимизация, превенция и прогнозирование риска, возможны только на этих этапах коммуникации и в отношении только тех факторов рискованного поведения, которые поддаются управлению, являются своего рода переменными в уравнении.

Следует подробнее рассмотреть содержание выделенных факторов риска, в том числе с точки зрения возможностей управления.

1. Мотивы террористов-вербовщиков полностью заключается в идеологически подкрепленном стремлении причинить вред противнику, критически важным объектам противника. Этот террористический мотив и как фактор риска он не поддается управлению и не является переменной.

2. Условия реализации мотивов террористов-вербовщиков обнаруживают себя при анализе этапов коммуникативной сети, где проявляется их рискованное поведение, а именно в процессе создания и распространения сигнала (контента и сообщения). Если сам процесс создания контента и сообщения, нацеленного на вовлечение детей в террористическую деятельность, выпадает из поля

управления, то распространение такого контента невозможно индивидуальными усилиями и требует технологического обеспечения в виде деятельности субъектов, участвующих в фиксации, хранении и трансляции информации, в частности деятельности провайдера хостинга, владельца сайта, оператора информационной системы. Соответственно условия реализации террористического мотива полностью заключаются в возможностях названных субъектов, то есть, в действиях, направленных на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц, например, при эксплуатации информационной системы и обработке информации, определении порядка использования сайта в сети «Интернет», порядка размещения информации на таком сайте; предоставление вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет» (п.9, п.12, п.17, п.18 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Деятельность названных субъектов и выступает условиями реализации террористических мотивов, а равно и включает в себя возможности исключения данных условий через установление требований к форме, содержанию контента, его трансляции и модерации.

3. Мотивы детей-жертв вербовки являют собой множество источников, побуждающих к действию, проявляются в потребностной сфере личности и тесно связаны с психофизиологическими процессами. Мотивация подростков представляют собой сложнейшую область исследования и зачастую выражена противоречивыми, кризисными состояниями, обусловленными развивающимся характером психических процессов детей в подростковом возрасте. Среди мотивов, задействованных террористами-вербовщиками в целях вовлечения в террористическую деятельность, прежде всего, значатся мотивы получения определенных выгод как материальных, так и нематериальных (условно в психологии они названы положительными мотивами), а также мотивы избегания наказания, боли, смерти, страха (негативные мотивы). Именно поэтому мотивы детей-жертв вербовки выступают условиями реализации террористических мотивов, которые в отличие от рассмотренных выше можно назвать нетехнологическими факторами риска. Влияние на мотивы детей возможно в процессе общей социализации, как первичной, например, в семье, так и вторичной. Выявление специфики данных мотивов как индикаторов потенциальной принадлежности к группам риска, готовности стать жертвой террористов вербовщиков, также возможно при осуществлении воспитания детей, контроля и надзора за несовершеннолетними.

Исключительно важным представляется специфика мотивов подростков, как питательной среды для формирования намерения вступления в террористические сообщества. Речь идет о так называемых экзистенциальных интенциях подростка, сущность которых заключается в стремлении осознания смысла жизни

и смерти, своего предназначения в мире, так называемой в психологии Я-концепции. Экзистенциальный элемент Я-концепции подростка воплощает рефлексивное отношение к жизни и включает «представления о собственной жизни и отношении к ней как к единому смысловому пространству, осознание своего места на этом пространстве в настоящем, прошедшем и будущем, потребность в активной реализации собственного будущего¹». Это, согласно Э.Эриксону, стремление к идентичности индивида, самовосприятие индивидом своей личности². Исследователями выделяются смысловые профили, отражающие предпочитаемые категории смысла жизни, среди которых значатся: альтруистические, экзистенциальные, самореализационные, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные. Анализ смысловых профилей показал, что у подростков преобладают статусные, коммуникативные, самореализационные категории смыслов, на последнем месте — альтруистические³. Определены общие закономерности подростковой возрастной группы: подростки четко дифференцируют образы себя как ребенка и «уже не ребенка», отождествляют себя со взрослыми. При этом «многие ребята не обращаются к своему прошлому, настоящее для них более интересно⁴». Задачей минимизации рискованного поведения посредством психологической работы здесь видится выведение подростка к прошлому, к своей «детской мечте», и к будущему, как надежде, перспективе и горизонту своей жизни, или как утверждал Виктор Франкл дистанцирование от ситуации, в данном случае через воспоминание и/или надежду, признание и принятии внутренней свободы, своего достоинства⁵.

Как утверждают исследователи «тема смерти культивируется в подростковой среде не как мера жизни, а как антипод страданию, как побег от неопределённости и неподлинности. И чем запретнее тема смерти, чем больше усилий со стороны взрослых в сохранении приличий и псевдодостоинства, тем больше риска мифологизации и идеализации смерти наряду с обесцениванием жизни⁶». Поскольку

¹ Шлыкова Ю.Б. Субъективная картина жизненного пути подростков // Психология человека в современном мире: В 6 т. Материалы Всерос. юбилейной науч. конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.) М.: ИП РАН, 2009. Т. 1. С. 329

² Эриксон, Э. Г. Идентичность: юность и кризис: учеб. Пособие. М.: Флинта, 2006. 341 с.

³ Попова Т.А. Экзистенциальная составляющая Я-концепции подростка: теория и практика исследования // Психология смысла жизни: школа В.Э. Чудновского. 2-е изд. М.: Смысл, 2021. С. 477.

⁴ Шлыкова Ю.Б. Субъективная картина жизненного пути подростков // Психология человека в современном мире: В 6 т. Материалы Всерос. юбилейной науч. конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.) М.: ИП РАН, 2009. Т. 1. С. 330

⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990 г. - 368 с.

⁶ Карпунькина Т.Н., Алафировская Н.В. Социотерапевтическое пространство в образовании // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 80.

вопрос о смысле жизни первичен для подростка, то он и запускает собственно подростковый кризис, и возможность фрустрированности экзистенции, фрустрированности присутствия в жизни, что выражается, например, в бунтарском поведении, противостоянии, источник которой в острой потребности в подлинности, в ощущении себя и другого живыми, настоящими, не фиктивно-формальными¹». Стремление к высшей точке экзистенции может девальвировать ценность своей и чужой жизни, способствовать формированию готовности прервать физическое существование ради достижения полноты личного бытия, псевдоромантической новой реальности. Фрустрация экзистенции часто имеет внешние источники в виде деформации детско-родительских отношений, появлении чувства одиночества, ощущения покинутости, отчуждения, что опосредует гипертрофированную жажду любви, решимость добиваться ее, вступать в сомнительные отношения, желать хотя бы внешние проявления заинтересованности со стороны другого человека.

Очевидно, что террористы-вербовщики успешно используют уязвимости подростков, играют как на негативной, так на позитивной мотивации, демонстрируют возможность реализации экзистенциальных интенций через проявление «гражданской позиции» и героизма, предложение «настоящего дела», «мужской крутой работы» и т.п. Технические возможности позволяют с лёгкостью анализировать психологический портрет подростка в социальных сетях и выявлять его болевые точки, а также степень активности как выражение силы экзистенциальных интенций и фрустрированности. И на основании этих данных планировать вербовку. Активно используются игровые технологии как средство погружения через предложения простых заданий или небольших услуг, за выполнение которых выплачиваются деньги.

4. Условия реализации мотивов детей-жертв вербовки тесно связаны с возможностями их практического осуществления, а именно технологическими возможностями коммуницирования и осуществления денежных транзакций. Возможности коммуникации опосредованы всеми ресурсами современного информационного пространства, позволяющими беззатратно и безответственно реализовывать мотив самовыражения без каких-либо последствий благодаря обеспечиваемой анонимности и неполной, а часто невозможной, идентификации собеседника. «Цифровой переворот» в коммуникациях приводит к «формированию особого знаково-символического универсума, порождающего потоки смыслов²» и непосредственно способствует так называемому Большому антропологическому переходу, погружающему жизнь людей в

¹ Там же

² Авдашкин А. А., Бредихин С. С., Гафнер Н. А. [и др.]. Информационная война в цифровом медиaprостранстве. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2023. С.379

состояние неопределенности и экзистенциального стресса в связи с необходимостью принимать решения в условиях информационного избытка и «краткосрочными, подпитываемыми дофамином циклами обратной связи». Это же связывают с «радикальным плюрализмом современного мира», с захлестнувшими социальную жизнь разнообразием и множественностью, отсутствием временных и пространственных границ между разнородными по своей природе элементами¹. Общество тотально уязвимо перед неконтролируемыми коммуникациями, а то, что изначально считалось главным скрепляющим ядром социальной жизни становится разрушающим. Мир сквозящих окон, когда «виртуальное решительно берет вверх над актуальным²». При этом баланс отношений между актуальной и виртуальной реальностью рушится по мере прогрессирующего киберпогружения и углубления виртуализации³. Как точно отмечает С. Хоружий «безотчетный образ актуальной полноты самореализации и самовыражения, преподносимый сознанию как искомая цель, ведет к возникновению острых эмоций надрыва и фрустрации, находящихся выход или в парадигме «Бунта» или в парадигме «Карнавала»⁴». Виртуализация общения означает утрату связности, систематичности и полноты убеждений, снятие контроля и самоконтроля, снижение фокусированности внимания, быстрой и точной реакции, распаду этических оснований и нравственных барьеров, общей деэтизации за счет анонимности. Имитация и манипуляция выступают характерными признаками виртуализации социальных явлений. У человека появляется некая виртуальная маска, которая отделяется от самого человека, «и он может сделать её своего рода сточной ямой для своих нечистот⁵». Этой маской с большой эффективностью пользуются подростки именно в связи с остротой их экзистенциальных потребностей. Необходимость возвращаться время от времени в актуальную реальность делает из современника подобие человека-амфибии⁶, а привычка к отсутствию контроля и самоконтроля существенно затрудняет существование уже в актуальной реальности. Использование виртуальных ресурсов коммуникации, виртуальной маски создает возможность для подростка беззатратной и безответственной демонстрации «героизма», несмотря на конфликт с нормами морали и закона.

Если в отношении спекуляции террористов на экзистенциальных мотивах подростков возможно психодиагностическая и

¹ Шаповалов, В. Ф. Коммуникация как глобальная проблема современного мира / В. Ф. Шаповалов // Философия и общество. 2010. № 4(60). С. 8

² Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. Москва: РИПОЛ классик, 2016. С.331.

³ Хоружий С.С. Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП), 2016. 452 с.

⁴ Там же С.430

⁵ Там же С.432

⁶ Там же

психотерапевтическая работа, то в отношении материальных мотивов как факторов рискованного поведения задействуется деятельность субъектов, осуществляющих транзакции денежных средств, то есть работа платежных систем. В этой связи следует рассмотреть вопрос о согласовании данных транзакции с родителями и лицами их заменяющими, разработке механизма запроса согласия родителей на любое поступление денежных средств на счет ребенка, в том числе платежей внутри компьютерной игры.

В качестве оперативного решения названных проблем видится работа со всеми названными факторами риска вербовки детей террористами. В отношении мотивационно-потребностной сферы подростков это всевозможных профилактические и воспитательные мероприятия, о которых немало сказано. Речь идет не формальной отчетности о проведенных мероприятиях, а о реальных результатах, калькулировать которые достаточно сложно. С точки зрения организации имеется в виду увеличение аппарата социально-психологических служб в школах с одновременным увеличением их полномочий, например, исключение необходимости получения предварительного согласия родителей на психологическое обследование детей и соответствующее изменение нормативных положений (п. 3 ст.42 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

В отношении управления условиями реализации мотивов подростков посредством электронных коммуникаций это может быть уже не раз предлагаемые детские сим-карты и детские зоны в социальных сетях с особыми требованиями к идентификации пользователей, просмотру профиля ребенка и просмотру профилей других лиц самим ребенком, а также к контролю за установлением контакта с неизвестными аккаунтами, например с предварительного разрешения родителем.

В отношении материальных мотивов детей-жертв вербовки предлагается установление единых требований к платежным системам, включая транзакции внутри видеоигр, а также контроль за поступлением (зачислением) денежных средств на счета детей через получение предварительного согласия на это родителей или лиц, их заменяющих. В настоящее время только расходные операции (распоряжение средствами) требуют согласия вкладчика как это вытекает из содержания ст. 841. ГК РФ. Согласие на получение денежных средств от третьих лиц предполагается выраженным, если договором банковского вклада не предусмотрено иное. Иными словами необходима разработка нового типового договора по вкладам, открытым на ребенка. Помимо прочего представляется целесообразным установление необходимости получения предварительного согласия на зачисление денежных средств на счета взрослых лиц особенно в связи с используемым мошенниками шантажом жертв в связи с якобы финансированием терроризма переводе на их счет денег.

Цифровой поворот в социальных коммуникациях задает темпы

и динамику конфронтации, предлагает невиданный ранее арсенал вражеских атак, мишенью которых оказывается сознание детей. Это ставит общество перед необходимостью срочной приоритизации ценностей. Предлагаемый рискологический подход учитывает субъектную природу рискованного поведения, классифицирует факторы риска, что само по себе являет методику управления, помогает сформулировать основные векторы управленческого воздействия и субъектов такого воздействия. Новая реальность, дополняемая виртуальностью, требует новых подходов к управлению рисками, новую оптику рисков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдашкин А. А., Бредихин С. С., Гафнер Н. А. [и др.]. Информационная война в цифровом медиапространстве. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2023. 364 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. Москва: РИПОЛ классик, 2016. 222 с.
3. Буданов В.Г. О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 260-269.
4. Карпунькина Т.Н., Алафировская Н.В. Социотерапевтическое пространство в образовании // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 76-83
5. Попова Т.А. Экзистенциальная составляющая Я-концепции подростка: теория и практика исследования // Психология смысла жизни: школа В.Э. Чудновского. 2-е изд. М.: Смысл, 2021. С. 473–488.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990 г. - 368 с.
7. Хоружий С.С. Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. 452 с.
8. Шаповалов, В. Ф. Коммуникация как глобальная проблема современного мира / В. Ф. Шаповалов // Философия и общество. 2010. № 4(60). С. 5-20.
9. Шлыкова Ю.Б. Субъективная картина жизненного пути подростков // Психология человека в современном мире: В 6 т. Материалы Всерос. юбилейной науч. конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.) М.: ИП РАН, 2009. Т. 1. С. 326–333.
10. Эриксон, Э. Г. Идентичность: юность и кризис: учеб. Пособие. М.: Флинта, 2006. 341 с.

REFERENCES

1. Avdashkin A. A., Bredikhin S. S., Gafner N. A. [and others]. Information warfare in the digital media space [*Informacionnaya vojna v cifrovom mediaprostranstve*]. Chelyabinsk: South Ural State University (National Research University), 2023. 364 p.
2. Baudrillard J. The spirit of terrorism. There was no Gulf War [*Duh*

terrorizma. Vojny v zalive ne bylo]. Moscow: RIPOL Classic, 2016. 222 p.

3. Budanov V.G. On the possibility of integral ethics of a Large anthropological transition [*O vozmozhnosti integral'noj etiki Bol'shogo antropologicheskogo perekhoda*] // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Economics. Sociology. Management. 2021. Vol. 11, No. 6. pp. 260-269.

4. Karpunkina T.N., Alafirovskaya N.V. Sociotherapeutic space in education [*Socioterapevticheskoe prostranstvo v obrazovanii*] // *Bulletin of Tomsk State University*. 2005. No. 286. pp. 76-83

5. Popova T.A. The existential component of the adolescent's Self-concept: theory and practice of research [*Ekzistencial'naya sostavlyayushchaya Ya-koncepcii podrostka: teoriya i praktika issledovaniya*] // *Psychology of the meaning of life: the school of V.E. Chudnovsky*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2021. pp. 473-488.

6. Frankl V. Man in search of meaning [*Chelovek v poiskah smysla*]. Moscow: Progress, 1990 - 368 p.

7. Khoruzhiy S.S. Society and synergy: colonization of the interface [*Socium i sinergiya: kolonizaciya interfejsa*]. Kazan: Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEPM), 2016. 452 p.

8. Shapovalov, V. F. Communication as a global problem of the modern world / V. F. Shapovalov [*Kommunikaciya kak global'naya problema sovremennogo mira*] // *Philosophy and Society*. 2010. No. 4(60). pp. 5-20.

9. Shlykova Yu.B. The subjective picture of the life path of adolescents [*Sub"ektivnaya kartina zhiznennogo puti podrostkov*] // *Human psychology in the modern world: In 6 volumes. Materials of the All-Russian jubilee scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S.L. Rubinstein* (Moscow, October 15-16, 2009) M.: IP RAS, 2009. Vol. 1. pp. 326-333.

10. Erikson, E. G. Identity: Youth and crisis: studies [*Identichnost': yunost' i krizis*]. Manual. Moscow: Flinta, 2006. 341 p.